

УДК 101

С.Н. Бельков

аспирант

Русская христианская гуманитарная академия

г. Санкт-Петербург, Россия

redaction-el@mail.ru

ГЕНЕАЛОГИЯ САКРАЛЬНОГО

[Belkov S.N. The genealogy of sacral]

It is discussed the problem of sacral as possible object of scientific knowledge. It is studied the historical implications of the decision of this problem, such as the antinomy's doctrine of R. Otto, theory of religion of G. Bataille. The positive solution of a problem is related with conception of non-divine sacral.

Key words: sacral, religion, power, sacrifice.

Определяя этимологию понятия священного, следует обратиться к «Словарию индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста. Более всего примечателен этимологический анализ связей тех слов в греческом и латинском языках, в которых отмечается двойственный характер определения «сакрального». В латинском языке это два слова: sacer и sanctus. «Латинское sacer заключает в себе представление, которое для нас является наиболее точным и специальным выражением «священного». Именно в латыни наиболее отчетливо проявляется различие между профанным и сакральным, но в латыни же обнаруживается и двойственный характер «священного» – это и посвященное богам, и отмеченное неустранимой запятнанностью величественное и проклятое, достойное почитания и вызывающее ужас. Это двойное значение свойственно sacer, и оно способствует различению sacer и sanctus, поскольку слово sanctus никоим образом не затронуто этой двойственностью» [2, с. 348]. Sacer имеет однокоренную связь с sacrificare – «убить, заколоть», отсылающую к действию жертвоприношения, цель которого состоит в том, чтобы вернуть приносимую жертву к божественному порядку. Человек, которому предписывается sacer как качество, является тем, кто уже находится за пределами человеческого порядка и его законов, т.е. на него не распространяется предоставляемая социумом защита, и при его убийстве не становятся убийцами.

Sanctus имеет первичным значение «окруженный защитой, запрещенный», т.е. значение наложения ограничения через некую нерушимую границу, при нарушении которой следует наказание, возводимое на уровень кары богов. Изначально являясь лишь стеной, отделяющей от способной запятнать sacer стихии, это пространство затем отождествляется со всей областью, структурированной законами, проистекающими из запретов. «Имплицитная сакральность sacer воспринимается как нечто данное само по себе, независимо от человеческого установления, а эксплицитная сакральность sanctus переживается как результат «санкции», институционального решения или действия» [5, с. 22]. Следует так же отметить, что как только определена область sanctus, она сразу же заняла доминирующее положение в традиционных религиях, вытеснив sacer как нечто не относящееся к «святому» и к религиозной культуре, хотя sanctus и происходит от sacer.

В греческом языке семантику понимания сакрального образуют слова hieros (ἱερός) и hagios (ἅγιος). Hieros определяется как зависящее от божественного разрешения, вмешательства, от определенных условий, как то, что санкционировано божественным законом в сфере человеческих отношений. Hagios в свою очередь отсылает к трем однокоренным словам: глаголу «бояться», выражающему почтение к божеству, к слову hagnos как запретной территории, защищенной почтением к божеству и «чистому» человеку, который пригоден для исполнения ритуала, и к слову hagios – эпитету храма и мистерии. Т.е. hagios очерчивает смысловую зону того, на что наложен запрет прикосновения.

Обычно подчеркивают близость значений греческого hagios и латинского sacer, hieros и sanctus. Последние понятия выражают, во-первых, границу, которая очерчивает пространство божественно-дозволенного и божественно-недозволенного, во-вторых, они берут на себя роль первичной манифестации божественного, закрывающей собой свой собственный источник. В этих терминах можно увидеть два контекста: к sacer нельзя прикасаться, т.к оно пачкает, пачкает того, кто к нему прикасается, в то время как к hagios нельзя прикасаться, т.к запятнанным может оказаться сам hagios. Hieros и sanctus соответственно ставят запреты как для защиты того, кто хочет прикоснуться, так и для защиты самой области hagios и sacer от прикосновения. Если же прикосновение остается безнаказанным, то это приводит к исчезновению области hieros и sanctus, а соответственно и области hagios и sacer, в силу чего из чело-

веческого бытия, как индивидуального, так и коллективного выпадает область «священного» и все становится «профанным». Таковы последствия этого преступления, в основе которого лежит непонимание истоков установления различия и взаимосвязи *hagios* и *sacer* и *hieros* и *sanctus*. Но нужно учитывать и вероятность возможности такого проникновения в *sacer*, которое не уничтожает напряженность между сакральным и профанным, сводя первое ко второму. Такое проникновение осуществляется через область *sanctus*, что предполагает свои правила и условия, нарушение которых сопряжено с большим риском. Одна из возможностей использовать энергию *sacer* открывается при условии, если такое использование обращено к божеству или к царю, если оно освещено их разрешением и лишено личной корысти. Но такая возможность открывается только в рамках определенной религиозной формы.

То, что определяется как сакральное, возникает из противопоставления тому, что включает в себя мир профанного. Данная дихотомия существует не только для тех, кто занимается проблематикой определения сакрального, но и для тех, кто непосредственно практикует религиозную жизнь. Поэтому столь важно прочертить границы, отделяющие миры сакрального и профанного друг от друга.

Одной из наиболее известных в современном религиоведении работ, ставящих вопрос определения сакрального, является книга М. Элиаде «Священное и мирское», где отличие священного от мирского основывается на том, что священное выделяется как «Центр Мира», как место сотворения мира. «Для религиозного человека пространство неоднородно: в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других». «Это – разрыв пространства, позволяющий сотворить мир, т.к. он обнаруживает «точку отсчета», центральную ось всякой последующей ориентации» [12, с. 22]. Место символического центра, воплощаемое в жертвенном столбе, является символом акта творения, победы над первичным Хаосом, и теперь вокруг него может быть упорядочен весь Космос, а человек оказывается способным освоить, сделать «своей» неизвестную, прежде чужую ему территорию. Жертвенный столб сам является «отверстием», своеобразным порталом, вертикаль которого охватывает области от «подземного царства» и до царства «небесного», а в середине этой вертикали располагается человеческий мир. Мирское пространство характеризуется отсутствием «точки отсчета», десакрализированностью и относительностью пространства и, безусловно, оно должно, в ка-